

ОПРЕДЕЛИЛИ на постой меня к деду Игнату.

Дом, где я должен был ночевать, стоял почти в конце деревни и походил на островерхий стог сена. Мой провожатый поднялся на крыльцо и довольно бесцеремонно постучал в дверь. Я остался ждать внизу. В окне моментально вспыхнул свет, будто только и ждали стука. На крыльцо вышел сухой высокий старик. Свет из окна осветил морщинистый лоб и белую бороду. На плечах хозяйина был накинут серый пиджак. Было в старике что-то спокойное и важное. Прямой и строгий, он молча ждал, не сводя с парня глаз.

— Сергей Михайлович при- слал, — не вынимая из карманов рук, сообщил мой провожатый.

Я вошел за стариком в комнату. Просторная кухня с широченной лавкой вдоль стены хорошо освещалась электролампой. Справа громоздилась русская печь, каких теперь мало встречается в селах. Старик молча указал на место у стола, а сам стал набивать трубку крупным желтым самосадом. Раскурил трубку. От огня острые скулы заблестели. Кустистые брови полезли вверх и под ними затеплились бледно-серые глаза. Хозяин затянулся, и тут же едко вата запахло дымом. Он как-то внимательно посмотрел на меня, будто прицелился, и тем же ровным голосом вынес решение:

— Голоден. Надо накормить.

Я не успел отказаться, как старик исчез в сенях. Вернулся он с берестяным туюсом и тарелкой маринованных грибов. Потом принес миску с медом. От яркого света каждый гриб в отдельности лоснился. Кружка медовухи разожгла у меня и без того большой аппетит.

От туюсна пахло ароматом разнотравий, зноом угасающего дня, и листвою прибрежных ив. Утощая, дед добродушно говорил, в легком

придыхом останавливаясь на согласных буквах:

— Медок — от всех болезней зарок. Бывалочи на сенокосе умаешься до седьмого поту, а пару ложек пропустишь и усталости в теле как не бывало. Косить я был мастер первой руки. Старуха не даст соврать. Косу не выпускал, пока орел не появится. Вам молодым, летошним, и слово-то эдакое в диковинку. А значит оно, когда пот на спине ручьем выступит. Проступит на рубахе от лопатки к лопатке, как два крыла. Вот и говаривали старики: косить до «орла». Я к чему

чая спросить про поездку, о которой заикнулся, но не рассказал мой провожатый.

— А то случай такой приключился. По весне талье воды залили омшанник. Отводки делал — не помогло. Снег дружно весной водой взялся. Залило ульи. Вытащил их наверх, а делать что с ними и в разум не возьму. Выношу колодки, да на землю вытряхиваю. Вскоре солнышко пригрело, запарило кругом. Да тоска от того не уменьшилась. «Игнат!» — слышу голос Ксени-то своей. Кинулся я к ней, а она молча показывает на полянку, где ку-

до Ильичу помочь. Мед послать ему необходимо что ни на есть лучший. По всем статьям чтобы подходит: по аромату, по вкусу. На пробу у пчеловодов весь мед пере-пробовали. И так и этак крутили, а лучше моего сыскать не удалось. Занарядили меня и ехать к Ильичу. Доверие большое. Стал готовиться в путь-дорогу. Собственноручно изготовил туюс из самой добротной бересты на десять фунтов, залил до самого верха медом, запечатал как следует, натянул на себя зипун новехонький и в путь-дорогу. До станции свез меня Еремей, сосед. С гудом подошел поезд. По морозу он здорово гремел и паром обволакивался. А морозы в ту пору стояли лютые, скрипучие... Туюс берег больше своего сердца... С проездом туго было. Без малого две недели находился в дороге. И все дни душа не на месте. Вещу и вещует — места себе не найду.

Старик умолк. Потер крепко свои морщинистые, задубевшие от долговременья щек и взялся за трубку. Табак крошился на пол, но старик не замечал этого. Пальцы двигались сильней обычного, вздрагивая на груди белая борода. Наконец, раскурил трубку, затянулся и спрятал лицо в клубах дыма.

— К столице подвезжати. Дремал я в вагоне, как слышу кто-то криком зашелся: «Как умер! Не может такого быть!». Я будто ошпаренный с места вскочил и по людским глазам понял: настигла нас всех беда страшная. Скончался Ильич... Оно, может, по-другому бы все обернулось — не опоздай я в тот раз. Мед наших-то краев целебный, против любой болезни противостоянье имеет...

В большой светлой кухне с русской печью, в доме, затерянном в летней ночи, в глухой таежной деревушке, мне тоже вдруг подумалось: не опоздай дед Игнат в те дни, и Ильич остался бы жить.

такое? Чтобы ты меду больше ел — устатку не будет. Да случай после революции был. Наткнулись мы со старухой в тайге на раненого. Не жилец с виду был, да и только. Кости выпирают из кожи — худоба первой степени. Дотащили мы его до избышки, что на нашей пасеке была, — мы в старину здесь все пчелами занимались, — и давай отхаживать. Старуха хотела там всякими травяными настоями отпавать, да я на мед все лечение свел. И пошел парень на поправку не по дням, а по часам. Вскоре и на Колчака подался... Мед — жизнь...

Я охотно ел мягкий янтарь и слушал добрый голос хозяйина. Глаза в куче мягких морщинок, поблескивали еще совсем не старю, не по годам. А было ему, пожалуй, не меньше семидесяти.

Слушал, смотрел, как по- пыхивает синевато-серым дымом, и ожидал удобного слу-

чами лежали пчелы. В толк не возьму, что увидела. Склонился: пчелы шевелятся понемногу — отходят! Чудо, да и только! Мор, правда, был, но много и сохранилось. До чего охочими к жизни оказались...

— Парень о поездке вашей какой-то говорил! — наконец спросил я, воспользовавшись тем, что старик замолчал и стал снова набивать трубку. Он как-то испытующе посмотрел на меня и тут же отвернулся к окну, за которым по-прежнему плыла темная, величавая ночь. Трубка в его костлявых пальцах дрогнула.

— Невеселая та история, — старик посмурнел, скулы его и без того острые, обозначились еще сильнее. — Опоздал... Болен был в ту пору Владимир Ильич. В горках он тогда находился. Собрались по вечеру мужики нашей деревни и давай про- мазать себя совет держаты ва-